

АНАТОМИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская революция вызревала на протяжении многих-многих лет. Когда правительство не решает вопиющих проблем и даже делает вид, что их не существует, происходит череда очень сложных и драматичных процессов. В обществе, в разных его сегментах, накапливается злоба, вызванная несправедливостью верхов, а затем начинается вообще отторжение властей. И даже если власть предложит нечто разумное, это уже не находит поддержки в обществе. Например, в реформах Столыпина было немало полезного для страны, однако народ их принимать не захотел. У народа было свое представление о справедливости и о том, как надо решать аграрный вопрос.

В 60-е годы XIX века у крестьян никаких сомнений по поводу их «освобождения» не возникало. Они считали, что их просто-напросто обокрали — отобрали луга, покосы, водоемы, сохранив отработки и введя выкупные платежи

Уже в наши дни Александру II поставили памятник. А ведь в 60-е годы XIX века у крестьян никаких сомнений по поводу их «освобождения» не возникало. Они считали, что их просто-напросто обокрали — отобрали луга, покосы, водоемы, сохранив отработки и введя выкупные платежи. Сколько же можно вытирать ноги о народ? По мнению наших современников — ученых, политиков, — несмотря на отмену крепостного права в 1861 году, зе-

мельный вопрос так и не был решен. Анахронизм самодержавного строя сдерживал развитие, мешал переустраивать общественную жизнь на началах социальной справедливости. Даже если что и делалось, то делалось половинчато. Столыпинскую реформу до конца не довели. Многопартийность была в зачаточном состоянии. Дума во многом оставалась декорацией. Гражданское общество, которое могло бы составить опору режиму в прорыве в новый, XX век, сформировать побоялись.

Четыре десятка лет народ терпел, а в 1902 году в России началась великая крестьянская война, продолжавшаяся вплоть до 1921 года. Вот на каком фоне следует рассматривать отечественную историю начала XX века.

В 1905–1907 годах виселица, или, как ее называли, «стольпинский галстук», стала, по выражению Короленко, «бытовым явлением». Усмиряя бунтарей, расстреливали по всей империи мужиков, баб принародно пороли шомполами — и весь этот срам и ужас творился на глазах у крестьянских детей.

В 1917 году эти повзрослевшие дети получили оружие. И то, что 15 млн российских подданных с началом Первой мировой оказались вооруженными, существенно изменило характер их диалога с властью. До этого власть могла наплевать на народ, дать ему по морде. Но когда в руках миллионов появились винтовки, тон разговора низов с верхами резко изменился. Почему в душах людей поселилась злоба? Ответ прост: представьте себе солдата, сидящего в лаптях — по милости военного ведомства, заказавшего для армии миллион лаптей ввиду нехватки зимней обуви, — в промерзшем окопе. А в это время в Питере «Невский гуляет», на столах в ресторанах — омары да «ананасы в шампанском». И солдат это

Владлен Терентьевич Логинов — заведующий кафедрой Университета Российской академии образования, руководитель проекта Горбачев-Фонда, доктор исторических наук, профессор

знает, ибо общение фронтовиков с тылом было довольно тесным — по высочайшему повелению крестьян, отличившихся в боях, разрешили отпускать на короткие сроки домой. Анализ поставок на фронт мяса, хлеба, крупы и другого провианта показывает: они выполнялись на 40–50%, а в 1917 году и вовсе на треть или четверть от требуемого. И что должен делать голодный и необутый солдат, знающий о мародерстве нуворишей, пославших его на войну, — смиренно сидеть в окопе и терпеть эти безобразия?! Отсюда и главный мотив 1917 года: «Или вы, власти, решаете накопившиеся проблемы, или мы сбросим вас к чертовой матери!». Анализируя уроки Октября, многие исследователи признают, что «массы были увлечены бескомпромиссной революционностью большевиков. Без их поддержки те не выиграли бы и Гражданскую войну» (1).

В 1902 году в России началась великая крестьянская война, продолжавшаяся вплоть до 1921 года

В сентябре 1917-го Ленин писал о том, что главная задача партии — не отстать от роста революционного движения. Большевики сумели хоть как-то канализировать гигантскую волну народного возмущения, этот взрыв народной ярости и ненависти. Более того, они смогли собрать уже развалившуюся по кускам страну. И это их великая историческая заслуга.

Можно ли было избежать колоссальных социальных потрясений? Нет. Ленин еще «гостил» в Швейцарии, а здесь уже все стало ясно. Меншевик Соболев тогда во всеуслышание заявил: мы стоим накануне второй «настоящей» революции, которая будет гораздо сокрушительнее первой. А министр внутренних дел царского правительства Дурново еще в конце 1913 года в докладе-меморандуме указывал, что в России не может быть политической (демократической) революции, она будет социальной, социалистической. Промышленник Путилов, выступая во французском посольстве в 1916 году, предрек: это будет рабочая революция. То есть ход событий был вполне очевиден.

Большевики сумели хоть как-то канализировать гигантскую волну народного возмущения, этот взрыв народной ярости и ненависти. Более того, они смогли собрать уже развалившуюся по кускам страну. И это их великая историческая заслуга

Революции подчиняются своим законам. Известный западный историк Крейн Бринтон написал «Анатомию революций», американец Эдвардс —

«Теорию революций». Проанализировав нидерландскую, английскую, Великую французскую, китайскую, русскую и прочие революции, они не нашли ни одного важного элемента, который не был бы свойствен каждой из них. Во всех странах у революционеров была своя «ВЧК», везде существовала смертная казнь как «метод решения». А какие еще можно предложить «методы», если противник глубоко убежден, что с вашим правительством через два дня может быть покончено, если приговоры к десяти годам принудительных работ встречаются хохотом, если катится кровавая волна междуусобицы. Главный принцип любой юстиции — неотвратимость наказания — рушится. Или ты решаешь эти вопросы, или волна смоем все на своем пути; как говорил тот же Ленин, «волна настоящей анархии может оказаться сильнее, чем мы», и тогда массы «разнесут все <...> по-анархистски».

Революционному у нас часто противопоставляют некий эволюционный, демократический путь развития, при этом понимая под демократией возможность добровольно голосовать на всевозможных выборах и отдавать свою судьбу в другие руки. А ведь демократия — это не столько право участия в выборах власти, сколько готовность власти услышать и выразить волю народа, а также способность одного самому решать свои насущные проблемы. Демократия измеряется степенью вовлечения народа в решение своей судьбы, а революция — не что иное, как момент истины. Не хотите повторения революций — всерьез думайте, как их не допустить. Для кого в сегодняшней России строится жилье по \$4–5 тыс. за квадратный метр? Думаете, жители аварийных домов или те, у кого десятками лет нет горячей воды, не знают ответа на этот вопрос? А ведь, неровен час, могут и «разнести все <...> по-анархистски». Ведь клич «Мир хижинам! Война дворцам!» не раз уже действовал в истории.

В пропагандистских целях у нас часто используют некий антилозунг «Отнять и поделить!». Сегодня это самая популярная предвыборная фраза, употребляемая главным образом в негативном смысле правыми. Но такого в России никогда не было. И, между прочим, крестьяне, когда требовали отдать им помещичью землю, не хотели «чужого». На этой земле на протяжении столетий они жили, работали, полили ее и кровью, и потом. У них было моральное право выдвигать такое требование.

Русский рабочий, выступая за справедливость, прекрасно знал (особенно представитель так называемой рабочей интеллигенции), сколько получал токарь, который «точил экстру» в Англии или во Франции. И когда труженики промышленных предприятий стали требовать установления рабочего

контроля над производством и распределением, это было не демагогией, а выражением осознания цивильной несправедливости.

Разве сегодня кто-то сомневается, что наши миллиардеры несправедливым путем «заработали» свои миллиарды? Надо ли уточнять, за счет кого и чего? При чем здесь фразеологический жупел «Отнять и поделить!»? Люди всего лишь взывают к нынешним нуворишам: «Верните награбленное!». Хотя бы в цивилизованной форме прогрессивного налога. И сегодня всякое беспристрастное напоминание

Демократия — это не столько право участия в выборах власти, сколько готовность власти услышать и выразить волю народа, а также способность одного самому решать свои насущные проблемы

об Октябрьской революции звучит как предостережение: «Будет Судный день. В истории — рано или поздно — действует закон возмездия». Накопление несправедливости — это, как выражался академик Н.Н. Моисеев, «накопление потенциальных неустойчивостей в системе». И когда-нибудь оно может вызвать страшные социальные катаклизмы.

Часто говорят о том, что «Октябрьская революция 1917 года генерировала выброс общественной энергии, обладавшей и определенной разрушительной силой, и колоссальным созидательным, творческим потенциалом. Пружина, которую сжимали столетиями, разжалась и резко ускорила ход общественных процессов.

Эту позитивную энергию Октября мы должны отделять от последующих преступлений. Сама по себе социалистическая идея не виновата, что во главе грандиозного социального эксперимента оказались в 1917 году деятели, которые, по выражению Г.В. Плеханова, были «левее здравого смысла», которые пришли к власти с убежденностью в возможности «применения насилия во имя революционной целесообразности» (1).

Люди всего лишь взывают к нынешним нуворишам: «Верните награбленное!». Хотя бы в цивилизованной форме прогрессивного налога

Примечательно, что французам многочисленные напоминания об их революции — с ее гильотинами, якобинцами и термидорианцами, удачными и неудачными наполеоновскими походами и т.п. — никак не мешают жить. Граждане Франции празднуют ее юбилей с завидным размахом. Не принимая

Советской власти, но высоко оценивая ее успехи, П.Н. Милоков писал: «Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней <...>. Ведь иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого».

Октябрьская революция — очень непростой и очень интересный феномен, требующий всестороннего изучения. В нынешней России почти не говорят о том, что главные участники тех событий буквально до последнего дня старались избежать вооруженного столкновения. Осенью 1917-го, когда все переплелось, перемешалось, когда русские войска сдали Ригу, Моонзунд, открыли врагу дорогу на тогдашнюю столицу, когда остро встал вопрос о судьбе Петроградского гарнизона, грядущие революционные события ожидалось очень многими. Восстания, революции представляют собой некий синтетический набор самых разных факторов, причем каждый из них весьма переменчив. Сошлось «вот так», а могло быть «по-другому».

Но осенью 1917 года мощный социальный взрыв был неизбежен: оказался бы там Ленин или нет. Ну что такое 350 тыс. большевиков на огромную империю — от Прибалтики до Тихого океана? Разве могли они без помощи народа направить события в нужном им направлении? Невольно вспоминается сцена, описанная Майн Ридом: табун мустангов несется к пропасти; чтобы спасти его, необходимо обогнать, повести за собой и у последней черты свернуть в сторону.

О демократии осенью 1917 года всерьез уже никто не вспоминал. Как писал один из лидеров российского либерализма В.А. Маклаков, Россия «оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала». После поражения либералов на муниципальных выборах не верил он и в Учредительное собрание: «Для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами — Учредительное собрание явится фарсом». И уж тем более не верили в «учредилку» правые. Генерал Лукомский писал Деникину, что для созыва Учредительного собрания необходимы два условия: «отстранить от выборов чернь и темную массу» и «пройти через диктатуру». Издержки никого не пугали. «Другого выхода нет, — говорила член ЦК кадетской партии Ариадна Тыркова. — Только через кровь».

На диктатуре сошлись все — и левые, и либералы, и крайне правые. Даже образованная общественность требовала «порядка» и «сильной руки». И, как писал Милоков, выбор был определен: либо военная диктатура Корнилова, либо Ленин и диктатура рабочих и крестьян. Впрочем, был и третий вари-

ант... Председатель бывшей Государственной думы М.В. Родзянко с умилением рассказывал, как после взятия Риги немцы расстреляли «бунтовщиков», вернули городовых и навели в городе порядок. Говорят, продолжал он, что «Петроград находится в опасности <...>. Я думаю, бог с ним, с Петроградом». И в обывательской среде настроение «уж лучше немцы, чем этот хаос» было распространено довольно широко.

На фоне некоего социального хаоса, солдатских и крестьянских бунтов, повсеместных грабежей и насилия вызревали октябрьские события 1917 года. Керосина в костер подлил А.Ф. Керенский, объявивший всеобщую амнистию. Тысячи матерых уголовников устремились в столицу и другие крупные города, повсюду устраивая налеты и перестрелки, грабя и убивая граждан. Криминальная стихия захватила всю страну. Пресса списывала все эти бандитские эксцессы на «солдатню и матросню». Восставали крестьяне, сжигая помещичьи усадьбы. Невиданный размах приняло расхищение художественных ценностей из дворцов и музеев. Газеты писали о мощной организации скупщиков, работавших на иностранцев. В такой обстановке тотальной ярости, ненависти и кровопролития большевики сумели захватить власть, а впоследствии повернуть общество на путь созидания, развития, восстановления государства.

Именно в этом и заключается главный смысл этого грандиозного события мирового масштаба. Именно мирового. И не только потому, что рухнули мировые империи — Российская, Австро-Венгерская, Германская, Османская, но и потому, что лучше во времена «делиться», чем пережить такое.

Пройдет время, и мы гораздо спокойнее и трезвее будем говорить о Великом Октябре. Придут новые поколения, свободные от былых стереотипов. Поле битвы станет полем памяти. И если на поле битвы позволяет многое, то на поле памяти грохотать овациями, политиканствовать, митинговать, кошунствовать и спекулировать не подобает. На поле памяти надо прикасаться умом и сердцем к Истории и делать выводы из нее.

Трудно не согласиться с выводами, высказанными С.М. Мироновым в его статьях об уроках событий 1917 года. Так, он пишет: «Уроки Октября и последующей советской эпохи суровы и трагичны. Но мы должны делать правильные выводы. Дело не в ущербности идеи социализма. Дело в том, что любую идею можно довести до абсурда. Ущербен сам метод, основанный на стремлении насильственно творить благо. Ущербно представление, что можно построить некое “чисто социалистическое общество”, и оно будет справедливым при

На фоне некоего социального хаоса, солдатских и крестьянских бунтов, повсеместных грабежей и насилия вызревали октябрьские события 1917 года

Дело не в ущербности идеи социализма. Дело в том, что любую идею можно довести до абсурда. Ущербен сам метод, основанный на стремлении насильственно творить благо

тотальном подчинении пусть благой, но одной-единственной идее. Увы, но отказ от демократии и плюрализма, от таких общечивилизационных достижений человечества, как рынок, частная собственность, свобода предпринимательства, права человека, многопартийная система, парламентаризм, ведет к тоталитаризму».

Актуально звучит для дня сегодняшнего и высказывание Миронова о том, что, «когда жизнь требует заниматься модернизацией страны, крайне опасно затягивать этот процесс, откладывая его на потом. Недостаточность реформ — вот одна из главных предпосылок сначала Февральской, а затем и Октябрьской революций 1917 г.» (1). ■

Примечания

1. Миронов С. Октябрь 17-го: уроки без забвения // www.rg.ru